

соответствует заданным параметрам. Их творчество значительно богаче и шире. Подобная классификация не что иное, как упрощение.

Авторы в данной статье ни в коей мере не претендуют на абсолютную истину, излагают лишь свои взгляды на проблемы и, безусловно, готовы выслушать ответные аргументы.

Примечания

- 1 Согрин В.В. Российская история конца XX столетия в контексте всеобщей истории: теоретическое осмысление // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С.70.
- 2 Алексеев В.В. Россия в контексте теории модернизации // Российская модернизация XIX–XX вв.: институциональные, социальные, экономические термины. Уфа, 1997; Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. / Под ред. В.В.Алексеева. М., 2000., и др.
- 3 Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993; Он же. Модернизация в России. Пермь, 1996.
- 4 Алексеев В.В. Россия в контексте теории модернизации... С.5.
- 5 См.: Российская модернизация, проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993. № 7.
- 6 Алексеев В.В. Россия в контексте теории модернизации... С.5.
- 7 Там же.
- 8 Кантор К.М. История против прогресса. Опыт культурно-исторической генетики. М., 1992.
- 9 Цит. по: История России. Теории изучения / Под ред. Б.В.Личмана. Кн.1. Екатеринбург, 2001. С.8–9.
- 10 Там же.
- 11 Ионов И.Н. Российская цивилизация IX – начала XX в. М., 1995. С.8.

*Петров С.Г.
(Новосибирск)*

ШИФРОТЕЛЕГРАММЫ ЦК РКП(б) ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920- х гг.: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Как известно, первая половина 1920-х гг. была временем становления властной вертикали в мирных условиях. Не в последнюю очередь, это было и временем становления бесперебойного функционирования аппарата, технических служб партии и ее ЦК. Мобильная связь Центра с руководством местных партийных организаций осуществлялась при помощи шифрованной телеграфной переписки. Для этого в аппаратной структуре ЦК РКП(б) и на местах были созданы специаль-

ные подразделения: шифрбюро, шифрчасти и т.п. В Москве это подразделение подчинялось Бюро Секретариата ЦК РКП(б), которое ведало всей секретной перепиской внутри партии. Для оперативности работы заведующий Бюро Секретариата совмещал занимаемый пост с другой не менее важной аппаратной должностью – он являлся первым помощником ответственного, а затем и генерального секретаря ЦК РКП(б).

Все спускаемые вниз засекреченные директивы и распоряжения оформлялись как шифрованные телеграммы. Наиболее часто в это время использовалась система шифров «Эхо». Такой сложный технический способ общения требовал подготовленных аппаратных сотрудников, а их не было в достаточном количестве ни в Центре, ни на местах. Подобная ситуация сложилась из-за сверхсекретности документов, к которым можно было допускать только хорошо проверенных членов партии, что не всегда соответствовало требуемому образовательному и интеллектуальному уровню принимаемых на данную работу сотрудников. Все это, отражалось на качестве документов, отправляемых из столицы, не говоря уже о качестве тех документов, которые после расшифровки попадали в руки местным партийным руководителям и зашифрованными приходили в Москву из провинции.

Описанная ситуация ставит перед историком, обратившимся к директивным документам высших органов ЦК РКП(б), ряд источниковедческих проблем, разрешение которых возможно только на основе тщательных эмпирических наблюдений над документами, знания особенностей партийного делопроизводства и функционирования различных аппаратных структур на столичном и региональном уровне. Но даже обладание этими навыками не всегда может помочь исследователям, т.к. жесткие условия секретности требовали от партийных делопроизводителей уничтожения черновых, промежуточных текстов, отражающих процесс выработки окончательного варианта (редакции) документа. К сказанному добавляется еще и проблема аутентичности текстов, т.к. практически в каждом бывшем партийном архиве (губкомовском, обкомовском, крайкомовском, рескомовском фондах) сохранились полученные из Москвы тексты директив. Эти отложившиеся на местах директивы многие из нынешних исследователей склонны поспешно публиковать, вводя их в научный оборот без каких-либо источниковедческих изысканий и эдических норм.

На сегодня практически ни один из публикаторов не озаботился такими явными, простыми вопросами, лежащими на поверхности, как авторство исходящего текста, пришедшего на места в виде шифротелеграммы; обстоятельства его появления на свет; учреждения, где он подготавливался и изготавливался; точная дата его создания (от черновика до шифровки); разновидность документа, которым этот переданный шифром текст является. Одним словом, всего того, что можно условно назвать историей документа.

Все выше перечисленное в полной мере прослеживается и на корпусе «церковных» шифротелеграмм ЦК РКП(б) первой половины 1920-х гг., неоднократно изданных с 1991 г., когда они стали доступными для исследователей как в Москве, так и в регионах, причем каждый раз эти документы, по утверждениям публикаторов, вводились в оборот «первые». Видимо, такие утверждения не были случайными, ведь среди публикаторов встречаются философы, журналисты, краеведы и историки, которые не занимались ранее ни проблемами источниковедения, ни вопросами истории Русской православной церкви в XX в.¹

Однако, массив шифротелеграмм ЦК РКП(б), пришедших на места в 1922 г. в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей и проведением обновленческого раскола, многократно издавался в различных местах, но всегда с дешифрантов, отложившихся в фондах бывших партийных архивов. При сравнении текстов этих дешифрантов с текстами исходящих документов, хранящихся в материалах Политбюро ЦК РКП(б) в АПРФ и РГАСПИ, выяснилось, что они существенно отличаются друг от друга. Причиной тому, как уже отмечалось выше, была низкая подготовка технических сотрудников шифротделений в Центре и на местах. Люди, ставящие свои подписи на документах вслед за подписями высших должностных лиц партии и государства и указывающие при этом: «расшифровал и подлинник уничтожил», «подлинник сжег», нередко вписывали в дешифрант вместо слов документа: «не расшифровывается», «не расшифровывается несколько групп», «...» и т.п. или поясняли уже вписанные слова в тексте: «по смыслу», «очевидно» и т.п.

Так, текст основной инструкции ЦК РКП(б) по проведению кампании по изъятию церковных ценностей, пришедший в Политбюро ЦК РКП(б) 17 марта 1922 г. в виде письма Л.Д.Троцкого, был отправлен на места шифротелеграммой за подписью В.М.Молотова с датой 22 марта 1922 г. Как удалось установить, прежде чем стать шифротелеграммой

письмо Троцкого претерпело как минимум две серьезные содержательные правки, сделанные 20 марта 1922 г. в результате обсуждения документа на заседании Политбюро ЦК РКП(б) и на заседании Комиссии по учету и сосредоточению ценностей². Однако, несмотря на то, что текст инструкции был отправлен на места с учетом внесенной в него двойной правки, в руки местных партийных функционеров он попал с несколько иными предписаниями, отличными от тех, которые требовала исполнить Москва.

Иваново-Вознесенскому губкому местный расшифровщик Соколов передал указание Политбюро ЦК РКП(б) о проведении «неофициальной недели агитации и предварительной организации по изъятию ценностей (разумеется, не объявляя такой недели)» как «официальной», причем, по-видимому, не особо учитывая предписываемую «абсолютную секретность всей подготовительной организационной работы», к чему так настойчиво призывал Центр в начале и в конце своей шифровки. Точно таким же образом сведения об абсолютной секретности расшифровала для Сиббюро ЦК РКП(б) в Новониколаевске (Новосибирске) и сотрудница местного шифротделения Сухова. Правда, в отличие от своего коллеги Соколова, который с искажением, но передал точный смысл фразы о не дающем «повода для шовинистической агитации» составе официальных комиссий по изъятию, расшифровщица Сухова не смогла уловить этот нюанс. Она призвала сибирских партаппаратчиков «строго соблюдать, чтобы национальный дух (! – С.П.) официальных комиссий не давал повода для шовинистической агитации»³.

Но еще более серьезный по своим последствиям промах ивановский расшифровщик Соколов допустил в пункте инструкции, где шло перечисление организаторов сопротивления изъятию, подлежащих аресту. Пропустив вообще номер этого пункта и первые слова его текста, Соколов вместо «купеческих элементов» расшифровал «кулаческих»⁴.

Екатеринбургский коллега Соколова В. Старцев в этом же предложении вместо «арестовывать их» расшифровал «черносотенных (по смыслу)». Один же из публикаторов этого документа историк В.А. Мазур, столкнувшись с данным, бессмысленно расшифрованным Старцевым местом текста, нашла довольно простой выход из ситуации. Исследовательница купировала его, проставив многоточие, но нигде не оговорив, что это сделано публикатором, а не Старцевым в марте 1922 г., подпись которого, кстати, также осталась не прочитанной⁵.

В предшествующем пункте инструкции Старцев, успешно справившись с расшифровкой словосочетания «наша агитация», идущую следом «агитацию лояльных священников» разобрать не смог, вписав некое слово «афитация». Именно ею должно было, согласно екатеринбургскому расшифровщику, заняться уральское «лояльное духовенство» при разоблачении «бесчеловечных и жадных «князей церкви»⁶.

Сходные моменты можно наблюдать не только на дешифрантах региональных шифротделений, но и на телеграммах, расшифрованных в Шифрбюро ЦК РКП(б). При переписке между Москвой и Минском по поводу организации судебного процесса над католическими польскими священниками в мае 1922 г. дежурная Шифрбюро ЦК РКП(б) А.С.Балагуровская не смогла прочесть фамилию желательного для Минска московского обвинителя. У нее получился некто «Челжесоррелу Толмарка», который «расшифровался буквально». Пришлось попросить Минск повторить искаженную телеграмму. По ее получении ответственный дежурный Шифрбюро М.П.Шариков расшифровал «темное» место как «Черлюнчавич его знает Польшбюро». Но и на этот раз фамилия была расшифрована не совсем точно. По всей видимости, Минском имелся в виду не Черлюнчавич, а Н.А.Черлюнчакевич, который в это время работал заместителем наркома юстиции⁷.

Отметим еще и такую проблему как авторство текстов передаваемых шифровок. Выше уже упоминалось о коллективном авторстве Троцкого, других членов Политбюро ЦК РКП(б), членов Комиссии по учету и сосредоточению ценностей, сотрудников Бюро Секретариата ЦК РКП(б), которые внесли свои поправки и изменения в текст шифротелеграммы с инструкцией по проведению изъятия церковных ценностей. Напомним, что эта шифровка пришла в регионы за подписью ответственного секретаря ЦК РКП(б) Молотова. Именно его фамилия, а также фамилии других секретарей ЦК РКП(б) обычно фигурируют в качестве подписей под шифрованными партийными директивами, идущими из Москвы. В большинстве случаев эти подписи являются формальными, точнее – этикетными, и не позволяют правильно атрибутировать тексты шифротелеграмм.

Определение авторства и датировка текстов шифровок – это одни из самых сложнейших проблем, решение которых требует дополнительных источниковедческих изысканий. В качестве наглядного примера рассмотрим шифротелеграмму с датой 25 марта 1922 г., текст которой

был напечатан с датами ее расшифровки на местах, в частности, екатеринбургскими публикаторами – с 30 марта 1922 г., ивановскими – с 3 апреля 1922 г. Эта шифровка пришла в регионы за подписью Молотова, а в Иваново-Вознесенск еще и за подписью с фамилией начальника РОСТА – Я.Г.Долецкого. По своему содержанию данный документ являлся инструкцией, требующей от местной печати не «веселых сатирических стишков» против священников, а пропагандистской поддержки «советских» попов в их борьбе с «черносотенным» духовенством, для дальнейшего углубления церковного раскола⁸.

На найденном отпуске данного документа, отложившемся в фонде Политбюро в АПРФ, как и на экземплярах из региональных архивов, в конце текста стоит формула «Секретарь ЦК Молотов». Правда, здесь она приписана от руки к машинописному тексту сотрудником Агитпропотдела ЦК РКП(б), который, по-видимому, готовил эту шифровку, по распоряжению Молотова, к отправке на места. Как видим, никакой новой информации обнаруженный отпуск к уже приведенным выше сведениям не добавляет. Однако, к счастью, помимо отпуска в АПРФ сохранился еще один документ – сопроводительное письмо. Только это письмо, в общем-то, и позволяет сделать выводы об авторе и дате рассматриваемой шифротелеграммы. Согласно письму, напечатанному на бланке служебной записки председателя Реввоенсовета, автором текста шифровки вновь оказался Троцкий, который 24 марта 1922 г. попросил Молотова разослать приложенную инструкцию на места как директиву ЦК РКП(б). Во исполнение этой просьбы Молотов написал на письме всего лишь резолюцию: «Агитпропу. Разослать. В.Молотов»⁹.

В заключение хотелось бы привести еще один любопытный пример, подтверждающий сделанные выше выводы о проблемах атрибуции шифротелеграмм. В публикациях последнего времени шифротелеграммы от 12 марта 1922 г., содержащей требование ЦК РКП(б) к делегатам XI съезда захватить с собой в Москву подробные материалы об имеющихся ценностях в местных храмах и монастырях, данный документ нередко признается впервые найденным. При этом, естественно, под текстом воспроизводится стоящая в телеграмме фамилия Молотова, которая никак не оговаривается¹⁰. Между тем давным-давно известно, что текст этой шифровки является телефонограммой В.И.Ленина, продиктованной председателем СНК Н.С.Аллилуевой в 13 часов 35 минут 12 марта 1922 г. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть страницу 206 тома 54

всем хорошо известного «Полного собрания сочинений» Ленина, где данный документ полностью опубликован.

Все приведенное выше свидетельствует о том, что кажущиеся на первый взгляд простейшими тексты шифротелеграмм ЦК РКП(б) на самом деле ставят перед исследователем целый ряд весьма серьезных историко-ведческих вопросов, связанных с текстовыми разночтениями, атрибуцией, датировкой и т.п. Без полноценных ответов на эти вопросы использование шифротелеграмм в исторических исследованиях, к сожалению, не всегда оправданно и объяснимо.

Примечания

- 1 Баделин В.И. Золото Церкви. Исторические очерки и современность. Иваново, 1993. С.132–182; История России. 1917–1940: Хрестоматия. Екатеринбург, 1993. С.226–228; Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Православной Церкви. 1888–1932. СПб., 1994. С.308–318; и др.
- 2 Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1997. Кн.1. С.133–139, 478–480; Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.). М., 2003. С.96–110.
- 3 Баделин В.И. Указ.соч. С.133–135; Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.П1. Оп.2. Д.106. Л.125–125об.
- 4 Ср.: Баделин В.И. Указ.соч. С. 133–135 и Архивы Кремля. Кн.1. С.133–136, 478.
- 5 История России. С.227–228.
- 6 Ср.: Сосуд избранный. С. 309 и Архивы Кремля. Кн.1.С.134.
- 7 Архивы Кремля. Кн.1. С.227, 247, 508, 509.
- 8 Баделин В.И. Указ.соч. С. 178–179; Сосуд избранный. С.311.
- 9 «Применить к попам высшую меру наказания» // Источник. 1995. № . С.115; Архивы Кремля. Кн.1. С.251–252, 301.
- 10 Ср.: Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1998. Кн.2. С.53; Баделин В.И. Указ.соч. С.132–133.

*Побережников И.В.
(Екатеринбург)*

СИСТЕМЫ КООРДИНАТ В МАКРОИСТОРИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Исторические системы не возникают в готовом виде. Формируясь постепенно, они изменяются с течением времени, то медленно, то быс-